

Ригодан

RIGODON

CELINE
LOUIS-FERDINAND

Ригодан

СЕЛМАН
ЛУИ-ФЕРДИНАНД

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
С29

Louis-Ferdinand Celine
RIGODON

Печатается с разрешения издательства Editions Gallimard.

Селин, Луи-Фердинанд

С29 Ригодон / Луи-Фердинанд Селин / пер. с фр. М.Климовой –
Москва: Издательство АСТ, 2022. – 416 с. – (Ехтга-текст).

ISBN 978-5-17-138955-0

Луи-Фердинанд Селин (1894–1961) – классик литературы XX века, писатель с трагической судьбой, имеющий репутацию человеконенавистника, анархиста, циника и крайнего индивидуалиста. Автор скандально знаменитых романов «Путешествие на край ночи» (1932), «Смерть в кредит» (1936) и других, а также не менее скандальных расистских и антисемитских памфлетов. Обвиненный в сотрудничестве с немецкими оккупационными властями в годы Второй Мировой войны, Селин вынужден был бежать в Германию, а потом – в Данию, где проводит несколько послевоенных лет: сначала в тюрьме, а потом в ссылке...

«Ригодон» (1969) – последняя часть послевоенной трилогии («Из замка в замок» (1957), «Север» (1969)) и одновременно последний роман писателя, увидевший свет только после его смерти. В этом романе в экспрессивной форме, в соответствии с названием, в ритме бурлескного народного танца ригодон, Селин описывает свои скитания по разрушенной объятай пламенем Германии накануне крушения Третьего Рейха. От Росток до Ульма и Гамбурга, и дальше в Данию, в поездах, забытых солдатами, пленными и беженцами... «Ригодон» – одна из самых трагических книг мировой литературы, ставшая своеобразным духовным завещанием Селина.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-138955-0

© Editions GALLIMARD, Paris, 1960
© Маруся Климова, перевод
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Посвящается животным

Я прекрасно вижу, что Пуле на меня обижен... Робер Пуле^[1], приговоренный к смерти... он больше не упоминает меня в своих статьях... а раньше я был великим... несравненным... теперь же случайное слово, да и то как-то вскользь. Я знаю, откуда это пошло, мы ведь поругались... он вконец достал меня своими разговорами!.. вы уверены, что ваши убеждения никогда не приведут вас к Богу!

– Бля, да точно нет!.. совершенно уверен! я разделяю взгляды Нинон де Ланкло^[2]! добрый Боженька – изобретение попов! я абсолютно антирелигиозен!.. это моя единственная вера!

– Что за авторитет эта ваша Нинон!.. и это все, Селин? гм! гм!

– Нет! нет, Пуле! это еще не все!

– Ах!.. я жду! мне очень интересно!

– Все религии «Иисусика» – будь то католические, протестантские или иудейские – один хрен! мне они все по фигу! распластался ли он на кресте, или его глотают в виде облаток – без разницы! тот же обман! бредни! жульничество!

– Ну и?

– Но и это еще не все! Попробуйте следить за мной, мой дорогой болван.

– Валяйте! Валяйте!

– Существует только одна религия: католическая она, протестантская или иудейская... все это филиалы лавочки «Иисусика»... как, они же грызутся, даже порой начинают мочить друг друга?.. пустяки!.. кровавые корриды – это так, для зевак! единственная подлинная великая работа, которую они выполняют в глубочайшем согласии... оболванивание и разрушение белой расы.

– Как это, Селин? о чем это вы?

– Смешать, сочетать браком, черт побери! со всеми таинствами! Аминь!

– Что-то я плохо вас понимаю, Селин...

– Да поймите вы, чертов смертник! кровь всех цветных рас является «доминирующей»... желтых, красных, фиолетовых... а кровь белых является «доминируемой»... всегда! дети от ваших замечательных смешанных браков будут желтыми, черными, красными, но только не белыми... белыми они уже не станут никогда!.. фокус-покус! вот вам ваши благословения!

– Но христианская цивилизация!

– Выдумки, Пуле! миф! мошенничество! обман!

– И все же! великое изобретение.

– Скрещивание пород! разрушение идет уже двадцать веков, Пуле! и ничего другого! для этого и выдуманно! изобретено! любое изобретение несет в самом себе с самого своего рождения и свой собственный конец, свою смерть!

– Так что же, церковь убивает, Селин?

– Именно! и вас вместе с собой! она только этим и занимается, эта ваша Церковь! в задницу ее!

– Вы слишком любите парадоксы! Селин! китайцы никогда не были расистами!.. и негры тоже!

– Бросьте вы эту туфту! стоит им заявиться сюда всего на какой-нибудь годик, как они тут всех опустят! шутка ли! белые исчезнут навсегда! как будто этой расы никогда и не существовало... «слабый оттенок на лице», и все! остаться должны только черные и желтые! а белого человека скрещивает сама его религия! религии! иудейская, католическая, протестантская... белый человек обречен! он уже не существует! так можно ли во что-нибудь верить?

– Не смешите меня, Селин...

Больше я Пуле никогда не видел... время от времени я читал его статьи... какие-то слабые намеки... и все... я слегка перегнул палку...

* * *

Дрррринг!.. звонит мсье журналист...

– Мэтр!.. Мэээтр! не будете ли вы так добры прочитать письмо, которое мы вам адресовали?

– Мсье!.. мсье! письма!.. все письма я уже с незапамятных времен отправляю в корзину!.. не читая!.. иначе, что бы со мной было!

– Мэтр, о дражайший мэтр! ваше мнение! всего два слова!

- Но, черт побери, у меня его нет!
- О, есть, мэээтр!
- О чем, черт бы вас побрал?
- О нашей молодой литературе!
- Об этом затхломе старье? ни хрена себе дела, да ее уже давно не существует! какое-то невнятное бормотание!
- Напишите это нам!.. очень... очень почи.... та.. та! емый! Мэтр!
- Не так быстро! вы могли бы все позаимствовать и у Брюнетьера^[3]! он уже все сказал!
- О, из ваших уст! из ваших! дражайший мэээтр!
- И вы больше не будете меня доставать? больше никогда не придете?
- Клянусь! клянусь! мэээтр!
- Он сказал, что всю литературу сожрут!
- И кто же, мэтр?
- Шарлатаны!
- Напишите нам об этом, мэтр! мэтр!
- Нет уж, дудки! я снова начну писать, только когда у меня опять вырастут зубы!
- А если мы все же к вам придем? мы очень дорожим вашим мнением...
- Не моим! Брюнетьера! мальчики! Брюнетьера!
- Ну окажите нам эту честь! мэтр! для нашей газеты! будьте так добры!
- Какой еще газеты?
- Как сделать так, чтобы они от меня отстали?

– «Надежда»!

– Никаких надежд больше нет, бедняжки!

– О, какая жалость, напишите нам про это! мэтр! мэтр, молодежь вас не знает!

– Ну, хорошо, ублюдки! пусть заходят, если уж так приспичило, только гуськом, на полусогнутых, и трепеща от почтения! и пусть попридержат свой поганый язык...

– Молодежь от вас отвернулась! мэээтр! вы недооцениваете Францию, ее замечательные ресурсы, Алжир, Академию, ее членов!

– К черту, я сказал! все! все это! такой страны больше нет, остались одни Распорядители!.. процессий и похорон... сотни языков, куда более мощных, чем наш, уже исчезли! вы хотели бы говорить на хеттском? или на арамейском?

– Ну, тогда тем более, дорогой мэтр, мы к вам придем! ваших слуг мы выгоним, ваших собак уьем, и выпустим вам кишки! вместе с вашими прогнившими отъехавшими мозгами! алло! алло! вы нас слышите? вы все поняли?

– Ну, е-мое! я обалдеваю! жестокое интервью! что ж, я готов! в клетку к диким зверям! римский коллоквиум! я отведу душу!

– О да! о, мэтр!

– Приходите! Приходите быстрее, дорогие ребята! я задушу вас в объятиях! я вас оттрахаю!..

– Мгам! Мгам!

* * *

Здоровенный толстяк и тщедушный замо-рыш... вот и они!.. я запираю собак в загоне... что-бы эти двое не пошли потом всюду трепать, будто я натравил на них своих хищников... оба эти мо-лодых человека, толстый и тощий, все покрыты угревой сыпью, не слишком опрятные и холеные, с плохим запахом изо рта... вид упертый, можно даже сказать, угрюмый, из убежденных... неразго-ворчивые... да мне, собственно, все равно... я их сюда не звал, но они здесь... ну и что дальше?

– Вы из «Надежды»?

– Именно, Селин! нас и наших друзей уже дав-но интересовало и продолжает интересовать, действительно ли вы такой гнусный тип, как все говорят... мы пришли вас об этом спросить.

– И кто ваши друзья?

– А, ну прежде всего это гигант мысли Кусто!

– Дерьмецо еще то, особенно во всем, что каса-ется меня!.. и где же этот мудак теперь?

– В «Же сюи парту».

– Так, сотрудник Леска и «Propagandastaffel»^[4].

– Он написал, что немцы регулярно платили вам жалованье, он это так прямо без обвиняков, черным по белому и написал в нашем «Ривароле»! а один «Ривароль» стоит десяти «Юманите»! запомните это! запомнили?.. что вы на это скажете, Селин?

– Не надо так напрягаться, мальчики! если бы я отвечал на все подобные бредни и ерунду в га-

зетенках и в журналах, весь остаток моей жизни ушел бы на это!.. а мне еще нужно закончить свою хронику и оплатить огромные долги!.. жалкие завистники и неудавшиеся депутаты, вроде Кусто, только и могут, что морочить головы таким молодкососам, как вы...

Забавно все же, доложу я вам... подобных упертых кретинов можно встретить и среди правых, и среди левых, и среди центристов... во все времена... один к одному!.. энергичные и злобные ублюдки... подонки, заговорщики из Гизов^[5], сторонники Шамбора^[6], Смелого^[7]!.. самого Дьявола! Этьена Марселя^[8] или Жуановиси^[9]... из года в год!.. и в будущем тоже! на фоне сисек и ляжек кинозвезд!

– Селин, мы спрашивали вас по телефону и спрашиваем еще раз: до чего вы способны дойти в своем эгоизме, подлости и трусости?

– О, я способен на многое, дорогие друзья!

– Да, но осторожнее, Селин, у вас остался последний шанс! мы пришли вас предупредить! присоединяйтесь к нам! иначе свершится правосудие! хватит! хватит уже метаний!

– Черт! а я-то думал, что дело уже в шляпе!

– О, пока еще нет!.. наше правосудие! должно все тщательно взвесить!

– Ну и что?

– Так вы еще не читали?.. конечно, вы же ничего не читаете!.. только, наверное, какие-нибудь пакости!

– Пощадите! пощадите! я хочу знать!

– Программа новой волны! в нашей «Надежде»... это послание верховного Ясновидящего! слушайте, несчастный, думайте и запоминайте! «в полном соответствии с ходом Истории, Франция и Германия скоро станут братскими странами»^[10].

– Ну, в таком случае, выметайтесь отсюда ко всем чертям! этого я слушать не стану! ублюдки! и чтобы я вас тут больше не видел! вот наглецы! я спускаю собак!

Я иду! те и так уже были готовы их растерзать... и вот я один!.. эти два жутика исчезли! как ветром сдуло...

* * *

Несмотря на то что я действовал стремительно, и мне потребовалось всего несколько минут, чтобы выставить этих шутников за дверь, на следующий день об этом происшествии трезвонили во всех редакциях и кафе. Подумать только, этот опустившийся гнусный тип поднимает голову, ага!.. и на что он замахивается!.. поносит нашего властителя дум последними словами! Ко всему прочему, он утверждает, что его ограбили!.. бросили в тюрьму и т.д.... и т.п.... а он, якобы, был искалечен на войне на 75 процентов из 100... и военной медалью награжден задолго до Петэна.

Черт! меня это все-таки слегка задевает!.. я все перерываю, перетряхиваю, и нахожу.. я проти-

вопоставлю им текст!.. это лучше, чем стихи!.. быстренько, пресс-конференция, я ее созываю... и зачитываю!.. текст Баржавеля^[11]...

«Для меня во всем двадцатом веке до сегодняшнего дня существует лишь один новатор – это Фердинанд. Скажу больше, единственный писатель. Я надеюсь, что это тебя не обидит. Настолько он выше нас всех. То, что его мучат и преследуют, нормально. Но это все же ужасно, потому что он живой человек, однако он настолько велик, что ты невольно рассматриваешь его как бы вне времени и обстоятельств, которые давят на него. Я убежден, что, чем более велик человек, тем больше он подставляет себя своим мучителям. Спокойствие – удел посредственностей, тех, кто не выделяется в толпе... Селин хотел бы вернуться в Париж или во Францию, и ты делаешь все, что можешь, чтобы ему помочь, но запомни: где бы он ни был, его будут преследовать. Его желание обрести покой в любом другом месте, а не там, где он находится – это лишь мечта. Он не найдет покоя нигде. Его будут травить до самой смерти, куда бы он ни отправился. И он это хорошо знает. Он ничего не может с этим поделать, мы тоже. Мы можем только при каждом удобном случае напоминать всем о его величии, однако, поступая так, мы навлекаем на него удесятенную ненависть мелких и посредственных кастратов, всех тех, кого начинает корезить от злобы и зависти,

как только их заставляют поднять голову и посмотреть на вершины. Имя им Легион».

Я ожидал хотя бы небольшого эффекта... куда там!.. напротив!

– Этот его Баржавель, о ля, ля! такая же гнусь, как и он сам!.. и его тоже в яму!

* * *

Опять дррринг!.. телефон... пожалуй, это уж слишком! Мольера так довели до смерти... Поклэн¹!.. Поклэн! его маленькая интермедия! Пожалуйста!.. это балет!.. Людовик XIV устраивает большой ужин! сегодня вечером!.. две тысячи приборов! вечером! Вот так Мольера и угробили... нужно было им ответить: да пошел он подальше!.. запихните его ему знаете куда, вашего Поклэна!.. тише, он ведь умер на сцене, выплевывая остатки легких, от малокровия и неудовлетворенности... я знаю, что меня ждет, я не Мольер, меня уморит голодом Бен Ахилл²...

Нет, я протестую, так дело не пойдет... дрринг!.. еще один звонок! Это «Фигаро»! как обычно! и очень кстати... обожаю некрологи... это мой конек! и как это богатым удастся так долго и счастливо жить!.. невероятно!.. в собственных замках, призванные Богом! 80... 90... 100 лет! а сколько благословений... их венчают... Большой Крест! и Гроб

¹ Настоящее имя Мольера – Жан-Батист Поклэн.

² Имеется в виду Гастон Галлимар.

Господень!.. а какие помпезные похороны... помазанники, помазанницы, Епископ, Префект, Воротины и сам Дьявол в своем тильбюри¹...

Так что с «Фигаро» я отдыхаю!..

Я ведь зря не подписываюсь... каждый день – пять колонок назидательных смертей... и обратите внимание, за несколько лет... ни одного грязного коллаборациониста, похороненного, как они... с почестями, благословениями... глухо!.. таких жмуриков зарывают в вонючей земле без святой воды и хора детишек... чудовища... Поклэн едва избежал подобной участи... а я... у меня уже все повычеркивали... соскребли с наших плит на Пер-Лашэз, папу, маму, меня...

В общем, «Фигаро» – это мое скубиду²!.. и не только некрологи! еще одна маленькая радость!.. вести из бывших колоний... недавние избиратели набрасываются, обезглавливают и зажаривают задержавшихся там белых... о, да у них и в мыслях нет ничего расистского и антигуманного! в сыром виде с солью!.. в Тимбукту нет свастик! коричневая чума навсегда поселилась в Германии!.. Адольф умер? давайте веселиться! со времен Бисмарка все канцлеры, выдающиеся, посредственные, молодые, старые, архи-старые, тронуты умом... такова уж особенность этой забавной страны! последний

---

¹ Легкий двухколесный экипаж.

² Скубиду – модное словечко конца 50-х из песенки Саши Дистеля.

у них там совсем гнилой, решил отправиться в крестовый поход^[12]! Европа охвачена гойскими погромами! десять миллионов убийств на каждом тротуаре!.. каждую ночь! антирасистских!.. я не доживу, так, может, вы увидите? Германия, она все еще видит сон безумца...

Дррррррринг! опять кто-то звонит!.. я что, чокнулся?.. глюки пошли!.. нет! нет! телефон!.. опять! но мне нечего сказать!.. да!..

– Алло! алло! нет, мсье, нам всем кранты! мы уже в космосе!

– В космосе?

– Да, все!.. дайте мне, прошу вас, закончить мою маленькую историю!

– А какое название, мсье? о, название?

– Для какой газеты?

– «Источник» про-коммуни-плуто-христианский!

– Bravo!.. браво!

– А название?

– «Жмурки»¹!

– Для кино?

– Естественно!

– А со звездами как?

– Хоть жопой ешь!

– Развейте, развейте свою мысль, мэээтр!

– Как это можно? кинозвезды, звезды, небо! Дельфы производили богов, Рим поставлял од-

---

¹ «Жмурки» – именно так Селин хотел сначала назвать свой роман «Ригодон».

них святых, а мы, мсье, в наши чудесные времена выдаем по сто кинозвезд в неделю!.. каково?.. с большими сиськами, маленькими, средними... ладно, я подумаю!..» дринг! я вешаю трубку, все! еще звонок... я больше не отвечаю.

* * *

Вот и Рождество!.. я говорю себе: ну наконец-то от меня отстанут! только об этом и мечтают старые хрычи, если они еще не окончательно разваливаются... чтобы их оставили в покое... Да здравствует Рождество... не особенно веселое, вам больше некому делать подарки, и к вам не приходят с визитами... свобода! Да здравствует Рождество!.. вы сами тоже уже не получаете подарков! Да здравствует Рождество еще раз! не надо говорить спасибо! Да здравствует Рождество!

Е-мое! Звонят!.. один раз, два, и это не телефон... у решетки! в глубине сада, три раза... конечно, можно притвориться глухим, я же не слуга... гав! гав!.. все собаки начинают! это их любимое занятие... у меня их четыре, маленькая и три больших... они любят пошуметь!.. а этот придурок все звонит! может, нищий? черт! этого только не хватало! я уже достаточно всего наотдавал, меня достаточно обобрали, унесли все, спустили на Блошином рынке, и с молотка! я отдал херову кучу всего!.. за свою жизнь! э, неплохо бы, чтобы мне

кое-что вернули!.. некоторым-то ограбленным компенсируют, и немало! а мне – шиш!.. я из тех, что всегда должны!.. гав! упрямец у решетки позвонил уже по меньшей мере раз десять, он развлекает псов... дело плохо, Рождество!.. кроме того, я забыл вам сказать, дождь льет, как из ведра!.. он промокнет, этот хам... о, это его не смущает!.. он названивает, а ведь есть еще и соседи! а вдруг они тоже начнут лаять!.. их можно понять! сколько можно меня терпеть... десять лет!.. двадцать!.. черт! это серьезно! лучше мне туда сходить!.. спуститься к решетке и прогнать наглеца! быстро и решительно!.. я ничего не вижу... ан нет! кое-что... какой-то силуэт в темноте... сквозь пелену...

«А ну, отваливайте отсюда! хулиган! немедленно! хулиган! скотина!» лаю я! вместе с псами! гав!.. и рычу!.. р-рр! готов укусить!.. и нас четверых, можно точно сказать, слышно! р-рр! до самого Отей!.. хорошенькое Рождество! эхо над Сенной, представляете! чудная встреча Нового Года! но этот урод и не собирается уходить! вцепился в звонок и даже пытается со мной заговорить...

– Мсье Селин, я хочу вас видеть!

– Мсье, нельзя же ночью!.. ступайте! и больше не возвращайтесь! а то я спущу на вас собак!

Однако ублюдок упирается!

– Я писал вам двадцать раз! говорил о вас в статьях! дорогой писатель! но ни разу вы мне не ответили! и как я вас только не называл, Селин! сво-

лочью!.. продажным!.. порнографом!.. двойным агентом! тройным! ни разу вы мне не ответили!

– Я никогда ничего не читаю, туманный призрак! у меня нет ни малейшего желания, гав! р-рр!

– И все-таки, я до вас докричусь! мой вопль не заглушит лай ваших собак! я прошу у вас прощения! очень прошу! вы меня простите? пощадите меня! пощадите! в Рождество!

Он опускается на колени... и хлоп, прямо в кашу... гав! гав! этого-то я и опасался: скандал! ночь-то она ночь, а все ведь слышно!

– Я преподобный отец Таллуар из Ордена Святейшей Империи! я прошу у вас прощения! я специально для этого пришел... я страшно вас оскорбил! ну ради Рождества, Селин!

Он бьет себя в грудь, я слышу соседей... они уже всю возмущаются и орут! я не обращаю внимания.

– На арену, поп!.. ко львам, святоша, гав! р-рр!

Но он упорствует! да! сопротивляется... поднимается с колен... и набрасывается на меня!

– Самого тебя – на арену! самого! чертов извращенец!.. твое место там!

Он уходит по тропинке... хорошо бы он там споткнулся и раскроил себе череп! из-за этого попа, да еще под таким сволочным дождем... я наверняка подцепил себе какую-нибудь заразу! я уверен! не такой уж я и неженка, но результат мне известен... я никогда не выхожу по ночам, я знаю,

чем рискую... пусть еще кто-нибудь заговорит со мной о Рождестве, он или кто другой! в сутане или без!.. тоже мне, предводитель волхвов! скатертью дорога!.. мы ведь с ним, можно сказать, так друг друга и не увидели...

* * *

Я ложусь, Лили поднимается к себе на второй этаж... я привожу вам все эти нескромные детали, чтобы вы немного поняли мое положение... я на это надеюсь! я имею в виду этого навязчивого кюре!.. которого я выставил... конечно, он заслужил в сто раз худшее! в тысячу раз! будь он раввин, анабаптист, протестантский пастор, православный, я бы выпроводил его точно так же... все сторонники Иисусика для меня на одно лицо!.. их пустяковые размолвки и склоки меня не обманут, все они родом из Библии и сходятся в одном... что мы, белые – лишь материал для скрещивания, нас превращают в черных, желтых, потом в рабов, потом в солдафонов, а потом в груды трупов... да вы это и сами знаете... Библия ведь самая читаемая книга в мире... более скотская, расистская и садистская, чем двадцать веков арен, смесь Византии и Петью^[13]!.. там столько расизма, трусости, геноцида, избиений побежденных, что наши самые жуткие кукольные представления в сравнении с ней выглядят бледной тенью, жалкими байками для начальной школы... в сравнении с Би-

блией, что Расин, что Софокл кажутся полной туфтой... так, подслащенной водичкой, не более... вдумайтесь, стал бы я еще высовываться, если бы меня не обложили долгами... да я бы сидел себе спокойно, возраст, пенсия и твердые намерения! я бы хотел совершать небольшие прогулочки на костылях и в темных очках... чтобы никто меня не замечал... *немало мы повидали!*¹... черт! все ведь сказано!.. особенно моему сутенеру Бен Ахиллу, который публикует в день по двадцать романов... не считая его *Карманного Ревю*... и бюллетеня *Ваша Указка*... *ежемесячника страшилок для детишек и мафразматиков*... пожалуй, я уведомя его об откате! таково мое намерение!..

Я ложусь и жду... недолго! меня начинает трясти вместе с койкой!.. приступ дрожи!.. второй!.. еще в полном сознании я успеваю сказать себе: готово!.. этот поганый грязный ублюдочный поп добился того, что я заболел!.. я предчувствовал это, когда его слушал!.. и не хотел идти туда!.. я предчувствовал, что у меня начнется приступ бреда!.. когда бредишь, время летит незаметно... но бред – дело деликатное, особенно в присутствии посторонних... вы можете пожалеть о своих словах... а поскольку речь идет о малярии, которая у меня вот уже сорок лет, с Камеруна, вы понимаете, что я не был удивлен... и этот случай под дождем с вы-

---

¹ Одна из начальных фраз романа Селина «Север».

мокшим до костей на северном ветру попиком, бредни которого я слушал, имел логическое продолжение!.. но это было еще не все!.. нет!.. нет!.. что-то виднеется в углу... у двери... я уверен, там кто-то сидит... я не буду зажигать свет... шевелиться... может, это просто из-за жара! тот ведь тоже твердил про Рождество... может, просто какая-то горячая идея... или же очередной наглец?.. все возможно!.. ведь звонил же этот поганый поп... может быть, он и вернулся?.. ни в чем нельзя быть уверенным... во всяком случае, там в углу кто-то был... но я туда не пойду... я дрожу и истекаю потом... кто там?.. что там?.. мне-то что!.. рассудок работает, заметьте... я всматриваюсь... так! уже лучше! там кто-то сидит, он зеленоватый... светится, как светлячок... я правильно сделал, что решил подождать... такие видения длятся недолго... теперь я почти его рассмотрел... это какой-то военный... он что, пришел со мной поговорить? так пусть говорит!.. я жду... а этот зеленоватый... не говорит и не шевелится... сидит себе...

– Ну, так что?.. что?

Спрашиваю я... я весь дрожу... о! он меня пугает!.. черт возьми, да это он!.. я его узнаю... узнаю! этот зеленоватый... весь переливающийся... кажется, это он...

– Водремер!

Зову я его... но он ничего не отвечает... зачем он здесь? тоже из-за Рождества?.. как и поп?.. он что,

пролез через решетку?.. сквозь решетку?.. а собаки не лаяли... странные шутки!.. этого Водремера я знал, когда он был врачом с четырьмя нашивками... где это было?.. надеюсь, вы понимаете, что в состоянии, как у меня, в жару, в поту, на трясущейся койке, можно и запомнить... моя забывчивость простительна... да и он мне совсем не помогает... я повышаю голос... я стараюсь, заметьте...

– Водример!.. полу-прозрачный!.. я настаиваю!.. чего вы от меня хотите?.. вы это?.. да?.. или нет?.. что это за привидение?..

Он не двигается... я не вижу его лица... и тем не менее! это он... мы с ним вместе проводили консультации^[14]... он был главным врачом... в каждом бараке его осыпали бранью... все было проникнуто ненавистью... все беженцы жаловались, что им холодно, нечего есть, что их мучит жажда... весь персонал SNCASO поселили в бараках Адриана! рабочие, преподаватели, инженеры и санитары... это было ужасно!.. они считали, что во всем виноваты врачи, враги народа, реакционеры... будто мы все это подготовили, сволочи, пятая колонна, обжирившиеся в то время, когда бедные люди умирали от голода и эпидемий... даже своими так называемыми лекарствами мы, естественно, пытались их отравить... свидетельством тому было то, что попасть в сортир стало невозможно (трое детей даже утонули), отхожие места были настолько переполнены, что, из-за

колик и мочеиспусканий, все это напоминало коричневое наводнение, и виной всему были наши так называемые лекарства... общая диарея зато пила все... а чтобы никто не мог бежать, боши в Сен-Жан д'Анжели специально избрали такую тактику, так расставили все свои танки, заняли такие позиции, чтобы утопить нас в дерьме, чтобы мы все сдохли, не могли больше двигаться, захлебнулись собственными экскрементами...

Удалось ли кому-нибудь спастись? хотел бы я знать! но мы избежали общей участи, Лили, я и Бебер, благодаря нашей «скорой помощи»... нашей? не совсем! «скорая помощь» была из Сартрувиля, куда я ее и доставил... пробег, о котором никогда не говорят в анналах Истории... «Сена – Ля Рошель»!.. и с каким трудом!.. не только себя и Лили, но еще и бабульку с двумя младенцами! я мог бы бросить их на главной площади в Ля Рошели... вы скажете: выдумки! отнюдь!.. свидетельство тому – малышка, самая маленькая, я еще помню ее имя: Стефани!.. теперь она, должно быть, уже вышла замуж и мать семейства... а тогда ей был месяц, не больше... генерал, который там командовал, французский генерал, настаивал, чтобы мы отправились в Лондон, вместе с нашей колымагой, бабулькой и малышками, естественно, искушение было велико!.. моя судьба могла бы сложиться совсем иначе, каким героем я был бы сейчас! сколько было бы стел и улиц моего имени!

– Мой генерал! нет! я отказываюсь! мне очень жаль, но при всем моем к вам уважении, мой генерал! приказ есть приказ! эти младенцы и их бабушка-алкоголичка должны быть доставлены в Сартрувиль! вместе с колымагой!.. мне приказано все вернуть в Сартрувиль!

– Превосходно! действуйте, доктор!

В общем, в этот зловонный лагерь Адриан я не вернулся... прощай, Сен-Жан-д'Анжели!.. так я и не узнал, погибли ли они там все под танками... или в потоках поноса...

Больше я никогда не видел Водремера... однако, конечно же, это был он... сидел себе, помалкивал... и весь светился!.. позвать, что ли, его наконец?.. нет!.. не могу... кстати, чуть не забыл!.. я сказал, что с радостью отправился бы в Лондон... вы, наверное, подумали, что он утверждает это под давлением обстоятельств, чтобы примазаться к сопротивленцам... ну уж нет! нет! я стал англофилом, и это всем известно^[15], уже давно... гораздо раньше, чем те, что туда уехали! я вспомнил про этого генерала и его предложение... думая об этом призраке Водремера, сидящем там и светящемся... во всяком случае, чем-то вроде призрака... но я чувствую, что начинаю отходить... о, не то, чтобы совсем!.. но это что-то вроде Водремера угасает... угасает потому, что завыли собаки... у-у-у!.. и вправду, собаки... это не сон!.. я весь в поту, покрыт испариной, и еще сильно

дрожу, но это уже конец... у меня приступы вот уже тридцать лет, и я знаю, как они заканчиваются... точно так же, как и наступают... на сей раз из-за этого поганого попа, что держал меня у решетки... не нужно было его слушать... гав!.. гав!.. а это еще кто?.. Лили и собаки... она зажигает свет... все лампы... она не боится...

– Ты с кем-то говорил?

– Это был Водремер...

Она не спорит... думает, что я еще в бреду...

– Послушай, ты что, ходила к решетке?

Спрашиваю я...

– К тебе кто-то пришел... какой-то полковник...

– Что еще за полковник?

– Камбремус!

– И что он хочет мне сказать?

– Ты в состоянии его принять?

Я очень устал...

– Пусть зайдет! только ненадолго! и проваливается! меня еще трясет!

Он входит, и это именно он, Камбремус, а не какая-нибудь бледная спирохета... краснолицый, полнокровный, я-то знаю, какое у него давление... но ему плевать!.. он слишком увлечен кухней и национальным возрождением, чтобы терять время на такие пустяки, как диета и капли... для него вкусная еда и Франция важнее всего в мире! он не может простить унижение величайшей из наций...

Камбремус, ожидая пока его впустят, слышал все, что я говорил... тем лучше!.. можно не церемониться!

– Селин, мы основали новое движение национального возрождения! мы рассчитываем на вас!

– И напрасно!.. я не собираюсь ничего возрождать!.. Европа погибла под Сталинградом... теперь она во власти Дьявола! пусть он ей и занимается!.. этой зачумленной распутницей!

– Селин, вы пораженец! и всегда им были!.. но вы способны внести свой вклад!

– Ну, уж нет, к чертям собачьим, нет! китайцы в Бресте и как можно быстрее!.. это мое самое страстное желание! части желтой армии в морской Префектуре! вот решение всех проблем!.. в пять секунд! эти люди, которые никогда не ели досыта, набьют себе брюхо блинчиками!.. все ваши усилия напрасны, Камбремус!

– Какой вы забавный, Селин!.. сам того не замечая!

Я отдаю приказ...

– Тото, посвисти!.. для полковника! пусть он поучится!..

Мой попугай Тото свистит... он такой послушный, исполнительный и знает только одну эту мелодию!.. «В степях центральной Азии» Бородина...

– Полковник, вот оно, будущее... слушайте Тото и учитесь!.. Лили, отведи-ка их туда! я хочу ска-

зять, в другую комнату, а то мне еще нужно обдумать свою «Хронику»... у меня серьезная работа!.. до прихода китайцев! месяцев так пять-шесть у меня еще есть... может, год... а они пусть репетируют свою «Центральную Азию»!.. вдвоем! они мне мешают... Камбремус и Тото...

– И все же! о нашей программе!.. всего два слова!.. Опять он за свое!.. он меня отвлекает!

– Нет, полковник! нет! я же сказал!.. в этих похоронах я не участвую! этим занимается великий Распорядитель! у него всюду глаза и уши! так что слушайте Тото! молчите... и учитесь!

И я снова принимаюсь за свою работу...

* * *

Эта бабья болтовня о судьбах человечества никого не интересует... тем, что победнее, вообще на все плевать!.. Вельзевул, китайцы, русские!.. может, еще алжирцы?.. почему бы и нет?.. вот богатым – тем нужно лишь одно... чтобы ничего не менялось!.. а коммунисты?.. е-мое! да скоро все сольются с ними в экстазе! вот увидите!.. супер плутократы, прошедшие через века естественного отбора... однажды они все облачатся в вечерние наряды и соберутся на большую вечеринку... как-нибудь, попомните мое слово, руководители крупных банков совместно с мастерами живописи, звездами эстрады и хлопковыми и цинковыми магнатами проведут мастер-класс в Москве...

В этом-то все и дело!.. побеждает сильнейший! жалкие борцы!.. красные пояса 1900-го... на исторической сцене всегда одни марионетки! карманьола, джаз, бутафорские баррикады... и я устарел, я отдаю себе в этом отчет, ясное дело, ведь я смотрю на вещи реально! скоро сюда явятся афроазиаты, повяжут Ахилла и загонят по дешевке его НРФ^[16], вот так! быстро же я состарился!.. но не будем отвлекаться!.. на чем мы там остановились?

* * *

Наше повествование прервалось в Цорнхофе... я не хочу вас больше сбивать с толку... а тут опять какой-то интервьюер!.. да!.. он явился от Марселя... а также моего коллеги Жендрона... ради пары слов!.. всего пары слов!.. он даже не представился!.. нет!.. ну тогда я сам ему представляюсь!.. я ору со своей кровати, прежде чем он успел открыть рот...

– Незнакомец, знайте, кто я такой! наша эпоха располагает к гигантомании!.. я самый великий писатель в мире! вы с этим согласны?

Он вопит в ответ:

– Превосходно, мэтр! более великих, чем вы, нет!

Существую только я один! остальные шарлатаны и недоумки... гротескные писаки, гнойные тараканы!

– О, вы абсолютно правы, мэтр! всех в костер!.. а пепел развеять по ветру!

Превосходно!.. превосходно!.. но кто же этот скромник?.. пусть покажется!

– О нет! нет! мэтр! ваши произведения!.. у вас же так мало времени!

Какой догадливый тип!.. я и сам предпочитаю его не видеть...

– Приходите попозже! месяца через два!.. или восемь дней!

– Конечно... конечно!..

* * *

Да, но все-таки... как все это устарело!..

– Мы слишком стары!.. наши истории уже ничего не значат!

– Нет!.. нет, Марсель!.. некоторые люди еще ими интересуются!

– Какие люди?

– О, фольклористы!

– Ты думаешь?

– Десять писем в день!

– И ты их читаешь?

– Нет!.. но телефон!

– И как часто?

– Два раза в неделю... ты понимаешь, Марсель, а ты ведь не особенно врубаешься, особенно с тех пор, как заболел, ведь все происходит, как во время наводнений!.. так что следи за мной!.. попробуй! я два раза повторять не стану.. когда я был маленьким, совсем маленьким, мы часто ездили

в Аблон, зимой и летом... и там, уверяю тебя, я кое-чему научился... всем тонкостям плавания по реке, вдоль берегов и песчаных отмелей... я научился обращаться с кормовым веслом и никого не бояться... научился подниматься вверх по течению, проскользывать в гавань против сильнейшего течения, с точностью до миллиметра! тютелька в тютельку, просто артистически! можешь мне поверить! ведь стоит хоть на волос отклониться в ту или другую сторону, как поток унесет твой ялик, малыш, и крикнуть не успеешь! все кончено!.. а во время паводка мне вообще не было равных! я лавировал между караванами судов, буксирами, баржами с их усатыми владельцами, которые рулили просто насмерть, а ведь тогда я еще не умел ни читать, ни считать.. вдумайся, Марсель, в это и сумей оценить это феноменальное искусство плавания против течения! которым тот, кто говорит с тобой сейчас и уже почти не способен шевелиться, у кого больше нет ни сил, ни желания, овладел еще совсем маленьким, ибо тогда я был известен как чемпион бьефа при подъеме против течения!.. все это тебе кажется скучным и безвкусным!.. и наводнение тоже мало что тебе говорит, ведь ты еще не успел родиться!.. а какой был потоп, Сена вся вспененная, плотины сорваны, берега и липовые деревья – под водой, обширные долины с вилами и домами – тоже... национальная катастрофа!.. и еще много лет спустя все это, включая Кур де Ром, бы-

ло покрыто толстым слоем грязи... Марсель, ты себе даже не представляешь...

– Ну, раз ты это говоришь... я верю!

– Верь, и я могу тебе это доказать! если не веришь! ведь теперь у нас во всех сферах – одни жалкие торчащие из-под воды обломки!.. можно сказать, что с 1910 года все только и идет к тому, что скоро мы снова увидим жуткий потоп!.. а все эти обломки, между тем, еле шевелятся...

– Я перестаю тебя понимать, Фердинанд! давай заканчивай! мне пора обедать, уже полдень, и меня ждут...

– Не хаами!.. пойми, что потоки, которые сносят все на своем пути, перекрывают навигацию, ломают мосты, смывают города, разносят в щепки буксиры и караваны судов, тем не менее, оставляют нетронутой небольшую кайму берегов!.. так и со столкновением мнений! если ты выступаешь против и находишься в центре, тебя разнесут...

Он не дает мне закончить...

– Ты это уже говорил! уже пять минут первого, меня ждут!

– Это не все!.. слушай и учись, чертов хам! против течения нужно грести вдоль этой каймы, именно там и укрывается по-настоящему искусный перевозчик, чтобы удержать свой челнок! очень осторожно, ты слышишь! о такой тонкой работе ты и представления не имеешь, грубый примитив! соскучившийся по закускам!

- Я тебя понимаю!.. и покидаю!
- Секундочку! еще кое-что! а рукописи Черного моря?.. ты слышал о них?
- Говори быстрее!.. что это еще такое?
- Целая цивилизация исчезла!
- Ну и что?
- Наша тоже исчезнет!
- Ну ты всегда любил пошутить!
- Да, и это мне достаточно дорого стоило! теперь я стал поосмотрительней! я научился предвидеть все, что будет в следующем году, черт побери, и более того, я предвижу все вплоть до 3000-го года!
- А!
- Все, что произойдет! я мог бы даже составить программы! на 3000-й год... все, что будет преподаваться в лицах и школах, какая история и география!
- Значит, ты занялся *предсказаниями*!
- Как Нострадамус!.. ты сам это сказал! но он делал это в аллегорической, расплывчатой, туманной форме, а у меня, ты сам в этом убедишься, все четко, ясно, честно и без шарад...
- Тогда говори быстрее!
- Он смотрит на часы... и это меня ужасно злит!
- Ты боишься остаться без редиса?.. без анчоусов? без фирменного паштета шеф-повара? ну и чудовище же ты!
- Нет! но ты задерживаешь меня из-за пустяков!..

– Ах, пустяков!.. я тебя развлекаю, а ты меня оскорбляешь!

– Ну, валяй!

– «Белые люди изобрели атомную бомбу и вскоре после этого они исчезли.» Хочешь, я скажу тебе, как?

Он пожимает плечами... и опускает глаза, жмурясь, как крокодил...

– Это надолго?

– Нет! вот видишь, меньше двух страниц!.. да послушай ты, жалкий тупица!.. несколько тезисов: они исчезли из-за войн, алкоголизма, автомобилей и из-за того, что слишком много ели... некоторые авторы склоняются к мнению, что они погибли из-за фанатичных пристрастий в политике, спорте, семейной и светской жизни, а так же всех своих религий, католической, иудейской, лютеранской, франк-масонской... из-за них прежде всего, будь то Рим или улица Каде^[17]! кредо-то одно: скрещивание видов! абсолютно одинаковое кредо! ну что, доходит до тебя, болван?

– В общем-то... не особенно!..

– Да это же конец! кровь белых не способна устоять перед скрещиванием!.. они становятся черными и желтыми!.. и это конец! белый – это материал для скрещивания, он обречен на исчезновение! его кровь подавляется! Азенкур, Вердэн, Сталинград, линия Мажино, Алжир – всего

лишь жалкие мясорубки!.. для белого мяса! Ну, а теперь можешь идти обедать!

– Ну что, обозвал меня по-всякому и доволен?

– Но ты же тоже хотел, чтобы меня повесили!

– Нет, никогда!

– О, а чтобы меня расстреляли! и еще как!.. проваливай, Тартюф!

Хи!.. хи!.. он криво усмехается! в общем, мы с ним поссорились... наша ссора продолжалась пятнадцать дней... потом он явился, и мы возобновили с ним свои беседы, в определенном возрасте ссоры теряют всякий смысл... ведь если хорошенько вдуматься, то между палачами и жертвами нет особой разницы... один хрен! тсс! тсс! все доведено до автоматизма... просчитано до минуты... так что пусть приходит, отброс!.. скрещенный он... или нет!..

* * *

Я мог бы вас еще немного развлечь, или хотя бы постараться, своими «нострадамусами», желтой армией в Бресте, черной армией на вокзале Монпарнас, капитуляцией Сен-Дени, но так как мне будет уже за семьдесят, когда мое произведение выйдет в свет, то эти факты будут тогда обсасываться всеми обычными газетенками, их уже зафиксируют тысячи ваших журналов... «наши истории больше никого не интересуют», Марсель ведь меня предупредил... так что будем поскромнее!.. кстати, еще и теперь в Нью-Йорке, где-

нибудь в окрестностях Бэттери Плейс, на маленьких улочках примерно в пятистах метрах от Таймс Сквера можно встретить незамужних пожилых барышень, что живут в крошечных квартирках и тщательно отделывают свою мебель, вышивают кресла, обвешиваются коврами, обшивают тесьмой, всячески разукрашивают скамеечки для молитвы, и создают такие забавные кашпо, что за них дали бы приз и на улице Прованс... эти барышни отапливают свои квартиры дровами, которые покупают у торговцев по соседству... в общем, они живут совсем как я здесь, в Медоне, совершенно нечувствительные к новым веяниям и безнадежно отставшие от моды... но это не мешает им жить в свое удовольствие! вокруг полно таких же пожилых девушек... с увлечением занимающихся вышивкой и всегда готовых вам что-нибудь заштопать и связать... Марлен, Морис^[18], Чаплин, да хоть сам Леший, все они, ясное дело, тоже ветераны курсов кройки и шитья! новый президент? старый? один хрен! стратосфера, жвачка и Пятая Авеню! но всюду торчат вершины небоскребов, и вероятно, даже точно, там тоже живет множество людей... а эти барышни заняты своим кропотливым трудом, им не до них... вдумайтесь! чтобы вышить одну подушечку, нужен год... вот и я стараюсь не болтаться без дела, как ошалевший безмозглый турист! я кропаю свои маленькие рукописи... а сколько мне платит Ахилл?

да почти ничего! какие-то крохи! неважно! тонкая вышивка, хитроумные узоры, стиль, меня интересует только это!.. ценителей, вот, правда маловато, скажете вы, зато какие злобные ненавистники! тем лучше! они, черт бы их побрал, обо мне никогда не забудут! а завистники? эти вообще сумасшедшие!.. только и твердят, что обо мне и о моих страшных откровениях, о том, что французов скоро совсем не останется... если бы меня перевели на языки Мали, то этот маленький клочок земли в Азии стерли бы с лица земли! кстати, тамошние жители тоже когда-то были белыми... блондинами, брюнетами, а теперь там одни жуткие негры!.. гримасы Истории!.. но может, меня оценят, когда мои рукописи будут нуждаться в расшифровке, среди прочих, написанных на мертвых языках... наступит наконец-то и мой час!

А пока я, вероятно, заставляю вас скучать, так как я бросил вас в Цорнхофе, в момент, когда Харрас и Reichsbevoll Goring¹ хотели нас покинуть... я бросил вас вместе со своими комиксами!.. ну-ка живо, живо, к своим делам... я к вам возвращаюсь!.. сюда, медам, месье!.. еще две тысячи страниц, по меньшей мере! Ахилл-то наверняка ждет, чтобы я окачурился! тогда все перейдет к нему! gratis pro Deo²! естественно, он ведь этим живет! ах, черт бы его побрал! нет уж, пусть становится

---

¹ Полномочный представитель Рейха Геринг (нем.)

² Здесь: Бесплатно с Божьей помощью (лат.)

в очередь и следует за гидом! сейчас вы кое-что увидите... это волшебный фонарь, говорю вам, волшебный! он представляет эпоху и все остальное! как если бы вы сами везде побывали!

* * *

Бергсон как-то написал! наполните деревянную коробку больших размеров очень мелкими металлическими опилками, ударьте по ним кулаком изо всех сил... что вы наблюдаете? вы сделали воронку... в форме вашего кулака!.. это явление можно объяснить двояким образом, в зависимости от двух разных взглядов на мир... если смотреть на мир глазами изумленного муравья, то невольно задашься вопросом, каким же чудесным образом другое насекомое, такой же муравей, как и он сам, смогло удержать столько железных опилок, штучка к штучке, в таком равновесии, в форме воронки... с другой же точки зрения, более просвещенной, как у нас с вами, нет ничего удивительного в том, что от удара кулака осталась воронка^[19]... как хроникер, я стою перед выбором, уподобиться ли мне муравью и тем самым вас сильно позабавить... ползая туда-сюда среди металлических опилок... простое же объяснение удара кулаком позабавит вас куда меньше... так же, как и китайцы в Бресте... церкви тоже все на одно лицо... орудия всеобщего разрушения... иудейская, католическая, лютеранская, tutti frutti! «Лига Скрещиваний»! жить мне оста-

лось не так уж много, так что особо я вас доставать не стану... не буду слишком настаивать, чтобы вы протрезвились... Византия прекрасно продержалась десять веков, надирая мир... всем известны лишь их заговоры, колесницы в два-три ряда и хитрожопость, а потом пришли турки... под занавес... с нами произойдет то же самое? очень может быть! это в лучшем случае... как хроникер Грандиозного Театра Марионеток я могу вам со всеми впечатляющими подробностями продемонстрировать, как полыхают мощные бастионы... судороги и агонии... многим такое и не снилось!

– Б-эээ! Византия! тысяча лет! да пошли вы со своей Византией! в Византии не было средств, которыми, слава Богу, располагаем мы!.. прогресс, мсье! атомный! тысячелетний! ваша тысяча лет – одна минута!.. четверть оборота циклотрона! наука, мсье! вот вам и вся Византия!.. отсталый заторможенный примат! одна минута, мсье, не больше! весь ваш Упадок!

– Отсталый!.. отморозок!

Это еще один умник так на меня наехал... не будем говорить, кто... отвечать ему тоже не стану... хотя я его и знаю...

* * *

– Валяйте, Селин!.. ваши читатели уже устали от ваших злобных выпадов... и от вас тоже! нельзя все время твердить о китайцах в Бресте... это

надоедает! а эти ваши скрещивающие анти-белые церкви, гм! гм! это уж совсем грубо и не смешно!.. публике нужно другое!.. разве вы этого не знаете?.. «трепанации черепа», красочные вивисекции, роды с тремя щипцами и производящие гениев заводы, спрятанные в Кордильерах, на высоте в 4000 метров...

– Черт! но я же «белокожий», мсье! и для меня это очень важно!

– «Краснокожие» уже исчезли!

– Они слишком злоупотребляли алкоголем, а я пью лишь воду... и потом, у краснокожих имеются «резервации» и свои привилегии... их завоеватели их всегда поддерживали... а завоеватели «белокожих», вроде меня, только и думают, как бы еще сильнее нас опустить! они стремятся нас обобрать до нитки и стереть с лица земли... уже теперь мы представляем интерес разве что для «специалистов по аутолизу», рыщущих по сточным канавам, Фрежюс^[20] выглядит детской шуткой, в сравнении с тем, что на нас обрушится, какие потоки серной кислоты! герой вестерна Буффало Билл действовал по правилам!.. конечно, он был расистом, но справедливым... сиу тоже был дан шанс!.. галоп! птаф!.. а вот нам в сточной канаве – никаких!.. о нас не будет даже представлений в Шатле^[21]... нас просто с позором вычеркнут, и все... оставят корчиться в навозной куче...

Я никак не могу начать повествование!.. а я ведь обещал, значит, нужно!.. возраст? но завтра я окончательно превращусь в развалину, так что хватит топтаться на месте!

* * *

Ну вот и мы!.. хвала читателю!.. его терпению!.. мы снова там же, где я вас оставил... Харрас только что уехал... необходимо действовать быстро и решительно!.. подписанное разрешение с печатью Reichsbevoll у нас есть, и это главное... все планы, как и прежде, связаны с Данией... переправиться на тот берег, в Нордпорт... необходимо придерживаться какого-то одного маршрута, нам сказали, что это возможно... а там видно будет!.. главное, не медлить... наше разрешение утратит силу через два... три дня...

– Что скажешь, Ля Вига?

Он предпочитает, чтобы все решал я сам... ну тогда так, Ля Вига останется здесь... с Бебером... а мы съездим в Варнемюнде, посмотрим... он нас будет ждать, но не больше двух, трех дней... вдруг железная дорога и вправду еще работает?.. может быть, можно будет уехать?.. или же лучше нелегально? это меня не особо прельщает, Ля Вигу тоже... мы достаточно находились на нелегальном положении... в любом случае, мы хотя бы узнаем, как там, в Дании... может, получше, чем на этом берегу?.. все может быть!..

– Ты охраняй вещи и котяру... и не ходи гулять слишком далеко!

Главное, без фокусов!

– Можешь на меня положиться!.. хотя замок я знаю неплохо!

– Сходишь на ферму напротив!

– О, нет, только не это!.. туда-то я уж точно не пойду!

Его не переубедишь... ладно, мы его оставляем...

– До свиданья, Ля Вига!.. до скорого, Бебер!

Дорогу на Моосбург мы знаем... «разрешение» у нас есть... а между тем... нас никто не проверяет... должно быть, опасаются высовываться... я ковыляю... но довольно быстро... я наловчился пользоваться своими двумя костылями, времени ведь у нас немного... и сразу же на вокзал! приходим... у входа полно людей... и внутри тоже: штатские, военные, крестьяне, рабочие, в общем, как в метро... смешение всех языков... поезда не было уже шесть дней... Берлин-Росток... остается ждать... но нам, я думаю, не привыкать... тут стоим... посидим напротив на улице, на железной скамье... а там, глядишь, и поезд подойдет!.. если, конечно, он вообще придет... а это еще что такое!.. вместо поезда мы видим нечто совсем другое!.. Ля Вигу!.. да, это он! недолго же он задержался в Цорнхофе!.. решил присоединиться к нам, не выдержал... он приближается с сумкой на колесиках.

– Прискакал все-таки! ну-ка, покажи! что это ты там тащишь?

– Вещи!

Я смотрю... куча рубашек, грязных... и пустые мешки для свеклы...

– И стоило это брать?.. а Бебер?..

Он посадил его в свою сумочку через плечо... Бебер говорит «мяу»!.. мы его гладим...

– А хавка у тебя есть?

Он демонстрирует мне свою куртку... там полно butterbrot'ов...

– Ты что, их стащил?

– Да!.. у Кретцеров, их же там нет!

– А сумка на колесиках?

– Тоже у них!.. у них всего полно!

Да он не промах, как я посмотрю...

– Послушай, е-мое, они себе ни в чем не отказывали!.. чего у них только нет!.. представляешь, четыре велосипеда!.. вдумайся!.. а в шкафах!.. вот это жизнь! ладно!.. пускай!

Судя по всему, он уже пробудился ото сна... смотрит на все реально... и вполне доволен...

– Ты останешься на вокзале?

– А ты бы предпочел, чтобы меня там убили?

– Думаешь?

– Да почти уверен!

– И ты будешь нас тут ждать?

– По крайней мере, я тут буду не один, а в компании!.. с народом! тут полно народу!.. и меня ни-

кто не заметит!.. вокзалы тем и хороши!.. все кого-то ждут, а я буду ждать вас!.. я и Бебер!

– Ну как хочешь!.. мы недолго!..

– А если задержитесь, то мы уже никогда не увидимся! о, зато в Цорнхоф мы не вернемся!.. будьте уверены!.. никогда!

Ладно, все понятно... но он хочет еще что-то сказать...

– Со мной ведь Бебер! к счастью! ради меня вы бы никогда не вернулись! но послушай!.. послушай!..

Он что-то слышит... и правда! чухх! чухх! поезд... паровоз... еще далеко, но уже полно дыма... чухх!.. должно быть, это тот самый, Берлин-Росток... о нем объявили уже восемь дней назад... а как же билеты? никто ничего не знает... ни касс, ни билетов больше нет, все садятся просто так... говорят, что заплатят позже... но как туда сесть? это пригородный поезд, теперь его уже можно разглядеть... деревянный... пять... шесть вагонов... и как бы это поточнее выразиться, весь взъерошенный, что ли, из-за того, что изо всех окон что-то торчит... напоминает взъерошенную гусеницу... все, что торчит, тоже теперь хорошо видно... сотни рук и ног... головы!.. и винтовки!.. я видел переполненные до отказа электрички метро, такие набитые, что вы туда бы и палец не впихнули, но тут, этот поезд настолько был забит и вздыблен из-за ног, рук и голов, что на него невозможно было смо-

треть без смеха... из-за всего, что торчало у него из окон... но он подходит... пыффф! пыффф! и это еще не все!.. сразу же за локомотивом – платформа, с пушкой и артиллеристами...

– Ля Вига, умоляю тебя! дождись нас! с тобой ведь Бебер!

Чухх! чухх! поезд у перрона... он сейчас уйдет... как я и думал, он полон... и не только руки и ноги... головы, я вам об этом тоже уже сказал... одна... другая... как будто спящие... а вот с широко раскрытыми застывшими глазами... думаю, этот поезд слегка покорежило, и вероятно, с воздуха... там внутри кто-то громко стонал... но кто? да тут не только головы, но и сапоги... ясное дело, солдатня... вместе со штатскими... место найти невозможно... может, попробовать на тендер, я заметил, он пустой... мы совещаемся... там два фрица, машинисты... я показываю им наше разрешение в Росток... но они должны загрузить здесь тендер шестью тоннами угля... они отсылают нас к другой платформе, в самом хвосте, которую только что прицепили... вроде как с «зенитками»... может, там нас возьмут?.. мы рвем когти!.. на этой платформе всего пятеро артиллеристов Luftwaffe, но несколько сотен женщин, детей и военных уже вцепились в края и колеса... и идут на приступ!.. все размахивают своими бумагами с печатями... даже грудные младенцы... среди штурмующих есть такие, что пропустили уже четыре по-

езда и провели на перроне целый месяц, они уже переломали себе все пальцы... а вагон открыть никто даже и не пытается... настолько он забит ранеными, путешественниками и трупами, которых невозможно оттуда вытащить, слишком уж они спрессованы и перемешаны... артиллеристы на платформе отбиваются... ударами кольев... флах!.. бранг!.. по всем тянущимся рукам... уах!.. а какие вопли!.. у военных удобная позиция для обороны!.. на возвышении! бранг!.. атакующие молят о пощаде!.. bitte!.. bitte! Luftwaffe hier!¹ Военно-воздушные силы – это по моей части!.. повязка с красным крестом... силы самообороны Безона^[22]... кричу я, демонстрируя им свою повязку и бумагу с печатью... Reichsbevoll... эти скоты не умеют читать!.. нет! все-таки один умеет! da!.. da²! не отстаю я... он может сам убедиться... я пихаю ему под нос орла... пусть посмотрит... это не обычное разрешение... он обращается ко мне...

– Все трое?.. alle drei?

На этой платформе он за главного...

– Nein!.. nun uns zwei! только мы вдвоем!

Я показываю ему на Лили и себя... он смотрит еще раз... печать, орел, свастика...

– Gut!

Можно залезать!.. он не возражает, только с другой стороны насыпи... там, с другой стороны, уже

¹ Пожалуйста! Пожалуйста! Здесь военно-воздушные силы! (нем.)

² Там!.. там! (нем.)

трое незнакомцев, тоже, наверное, «важные персонажи»... так, вверх!.. мы резко влезаем, все впятером!.. теперь отступать поздно!.. мы почти устроились!.. и все благодаря моей инициативе!.. повязке! и печати!.. должно быть тот, что читал, унтер-офицер? я так, во всяком случае, думаю... нашивок-то не видно... он, как и все остальные, весь в саже... ничего удивительного! весь дым летит прямо на них!.. все-таки они согласились нас взять... мы пристроились... а вот остальные... bitte! bitte! их по-прежнему колошматят!.. им ни за что не сесть! ни за что!.. ну а тем, что уже в вагонах, тоже, наверное, пришлось лезть: кому в двери, кому через разбитые окна, а кому и протискиваться между колесами... из окон торчат только босые ноги, оно и понятно, обувь с них стащили на предыдущих остановках... а где мертвецы? они-то уж точно не шевелятся... в поезде шесть деревянных вагонов, не считая платформ, последнего класса, естественно... они вообще, наверное, стояли где-нибудь в музее... а их вытащили и поставили на колеса... я спрашиваю, откуда они едут... напрямик из Берлина!.. везут раненных во время последних бомбардировок... эвакуируют!.. эвакуируют!.. кое-кто, конечно, умирает в пути, но тех вытаскивают на каждой станции... правда, вытащить их стоит большого труда... о чем и свидетельствует внешний вид этого нелепого поезда, топорщившегося босыми ногами, головами и око-

ченевшими руками... да еще застрявшими между стеклами и дверцами винтовками... и все это – в Росток!.. кажется, там есть все необходимое... главным образом, для хирургии... этот поезд уже настолько забит, что больше он нигде останавливаться не будет... теперь прямо в Росток!.. а уж там видно будет!.. хотя лично я в тамошнюю медицину не особенно верю... обычный способ избавиться... отослать подыхать куда-нибудь подальше... вполне в немецком духе... ни санитаров, ни врачей... у меня вот тоже есть повязка, может, я тоже чем могу помочь?.. ach, kein sum! ah! не стоит беспокоиться!.. для этого сержанта, ясное дело, было очевидно, что беспокоиться и вправду не стоило... артиллеристы сломали уже, по меньшей мере, сто рук... и черт побери! черт!.. другие все еще продолжали карабкаться!.. и так на каждой станции...а они их – кольями!.. один вагон уже взяли штурмом и разобрали на части! все выпотрошили!.. обнаружили там целую кучу живых... заваленных трупами в общей свалке... сержант поясняет мне, что этот поезд полон фальшивыми мертвецами, безбилетниками и безбилетницами, которые, пользуясь случаем... решили уехать из Берлина!.. их всех обнаружат в Росток!.. а уж в Росток с ними разберутся!.. пусть так, но почему мы стоим? черт, нужно еще загрузить уголь!.. целый тендер!.. и воду!.. ни начальника вокзала, ни железнодорожников больше нет... машинист

делает все сам... что же случилось?.. русские?.. сержант не знает... ему известно только, что больше не работают ни телеграф, ни телефон, ни пункт управления... в городе, кажется, вообще никого не осталось... а русских никто не видел... ну так что? значит, прямо в Росток, без остановок!.. поскольку все вагоны переполнены, и уж точно никого взять больше нельзя, лучше ехать прямо через семь... восемь станций... пронестись, так сказать, на двадцати в час!.. приедем – посмотрим, кто сможет выйти... а с остальными разберемся по обстоятельствам... кажется, там есть санитары и носильщики... если ехать медленно, переводя вручную стрелки, то на это уйдет часов пять... на большее у нас не хватит угля... снега почти нет, так, какая-то пыль, а ведь уже ноябрь... странная зима... холодно, хотя всего «минус пять»... кажется, может резко похолодать... а вот и машинист подает нам знак... с углем он уже покончил!.. мы тоже готовы! никто больше так и не смог вскарабкаться, кроме тех троих, что влезли вместе с нами... вообще-то, другая платформа, та, что шла сразу за тендером, была меньше задымлена, чем наша... в хвосте поезда всегда больше всего сажи... но о том, чтобы пересаживаться, и речи быть не могло! те, кого столкнули с платформы, все еще плачут, стонут, жалуются... у них еще все впереди!.. они ждут следующего состава... чуххх! чуххх! отправляемся!..

– До свиданья, Ля Вига! никуда не уходи!.. если можно будет проехать, мы вернемся! сразу же!

Он нам не верит и, увидев, что мы уезжаем, плачет... мы тоже плачем... однако я и не думал его обманывать, я абсолютно искренен и реалистичен!.. мы попытаемся найти способ вернуться сюда... но велик ли шанс?.. у животных в этом отношении есть одно преимущество: они сразу же чувствуют, что возможно, а что – нет... а мы мямлим, топчемся на одном месте, сомневаемся, поэтому и пьем... мы проживаем почти семь кошачьих жизней, оно и видно: мы в семь раз тупее, чем они... ну а что касается Ростока и этих вагонов поезда, то, прежде всего, нужно было не ошибиться при переводе стрелок... чтобы не въехать прямо в девственную природу... сержант этого тоже опасался... чухх! чухх! а уж какой дым... настолько густой, что порой начинает казаться, будто мы в туннеле... однако внимание! мы не имели права ошибаться!.. Росток находился на северо-северо-востоке!.. у сержанта был компас... у меня тоже... сперва он смотрит на свой... при помощи фонарика... а потом на мой... да! да! браво! северо-северо-восток!.. машинист не ошибся... это настоящий чемпион!.. он со всем справляется самостоятельно, и с углем, и с грузом, и с управлением, и со стрелками... он не просит нас спуститься и подтолкнуть, и слава богу... хотя я бы не удивился!.. а сколько всякого дерьма на нас сыпалось!

я уже говорил вам про дым, но были еще и кусочки мелкого непрогоревшего угля!.. он хрустел у нас на зубах... а в воздухе было полно РАФ^[23], которые, видимо, не бомбили нас исключительно из презрения... если только не сойдем с рельс, то будем на месте к полуночи... а эти РАФ, если бы захотели, в одно мгновение стерли нас с лица земли... но за все эти вагоны, пушки и локомотив вместе взятые никто не дал бы и ста франков... подобный поезд мог кого-либо заинтересовать только в совершенно особых, экстраординарных обстоятельствах... авось пронесет!.. оставалось только на это надеяться... уже стемнело... артиллеристы, сидя на корточках, сгрудились возле пушки... четверо безбилетников, которые залезли перед нами, держатся особняком, с нами не разговаривают: а мы все едем... чуххх! чуххх... пролетаем мимо нескольких станций... к счастью, стрелки переведены правильно, поскольку у нас на компасе все то же... северо-северо-восток... а сколько сажи на нас летит! можно подумать, они делают это нарочно... прошло уже четыре часа, как мы болтаемся... из стороны в сторону!.. бранг!.. конечно, здесь много путей разрушено... их восстановили!.. а!.. сержант указывает мне куда-то вдаль... там впереди слева... горит красный свет... придется ждать... мы замедляем ход... я спрашиваю у него, где это мы... уже в Ростове?.. нет!.. просто остановка!.. сейчас откроем вагоны,

всех вытащим, он просит меня помочь... ну конечно!.. Лили тоже согласна!.. и те трое, что все молчат, тоже!.. о, да тут уже полно народу!.. прямо в поле... с чего это они решили остановиться именно здесь... может, нам кто-то просигналил?.. я спрашиваю у сержанта... да конечно же!.. вы что, его не заметили?.. да я никого не заметил... этот тип подходит к нашей платформе... я наклоняюсь вниз...

– Доктор Эрберт Хаупт!

Представляется он... в темноте это не очень удобно... он повторяет...

– Oberarzt Haupt!... из Ростока!..

Он главный врач в Ростокке... наверное, мы уже близко... однако в поле... к тому же ночью... совсем не жарко... правда, нельзя сказать, что стоит сильный мороз, но все же... теперь моя очередь!.. я показываю ему свою бумагу, с подписями и печатью bevoll... он светит на нее фонариком... этот фонарик может светиться как красным... так и белым светом... такие фонарики бывают у железнодорожников... зачем мы здесь остановились в крошечной темноте?.. я его не вижу, но чувствую, что он куда-то показывает... я понимаю его немецкий...

– Этот поезд сейчас освободят от людей...

– Wo?.. где?

Спрашиваю я... с ним бригада?.. люди, которые будут этим заниматься?.. прямо здесь, в поле?.. санитары?.. непонятно!..

– Завтра разберемся!

Он тут же уточняет...

– Завтра!.. или послезавтра!.. мы во всем разберемся!.. кто из них шевелится!.. а кто уже мертв!..

Вот! все просто!.. наша помощь ему не требуется...

– Ach! nein!.. nein!

Сейчас он проводит нас в отель... ладно!... как ему угодно!.. вперед! прощайте, четыре артиллериста и наши три попутчика... вот мы и на насыпи... идем за Оберартцом! он знает дорогу!.. идет вперед быстрым шагом... я с трудом за ним поспеваю... кажется, этот отель не так уж далеко... мы проходим мимо железнодорожных стрелок, мимо какого-то длинного барака... вокруг темно, не видно ни одного стрелочника... наверное, уже ушли... да нам-то что до этого!.. а вот уже и улица!.. железнодорожные пути кончились...

– Вот ваш отель!

Действительно, это совсем рядом... настоящий отель... разрушений нет... по крайней мере, не видно... конечно, Росток тоже пострадал, но позже... я смотрю на часы... уже два часа ночи... продолжает падать снежок, снежная пыль... я вспоминаю всех этих людей, что были в поезде... они собираются извлечь все тела из вагонов... нам бы это вряд ли удалось... откуда ехали все эти люди?.. скорее всего, эвакуировались из Берлина... но сколько их?.. неизвестно... кажется, те, кому поручено освободить вагоны, поделены на мужские

и женские бригады... порой вы оказываетесь в настолько скотских условиях, что уже перестаете обращать внимание на то, мужчины перед вами или женщины... а уж о тех, кого мы там видели, облаченных в лохмотья и поделенных на группы, я и не говорю... вот сейчас мы наконец-то увидим физиономию этого Оберартца Хаупта... здесь есть лампочка... одна на весь холл...

Мужчина примерно моих лет, но очень самоуверенный... не особенно приветливый... на нем форма цвета хаки... золотые нашивки, сапоги, повязка со свастикой... он на нас даже не смотрит...

– Papier!

Ему опять нужны наши бумаги... пожалуйста!.. куда мы собираемся ехать? спрашивает он...

– Wo wollen sie?

– В Варнемюнде!

Ладно!.. он не возражает!.. но нам придется подождать... ему нужно предупредить Варнемюнде...

– На сколько дней?..

– На один день!

– Gut! хорошо!.. завтра утром!.. приходите в мэрию!.. Stadthaus!

Он хочет видеть нас завтра... конечно! мы будем там, в этой мэрии!.. он уходит, оставляет нас... надеюсь, он забронировал для нас номер... судя по всему, этот отель не такой раздолбанный и полуразвалившийся, как «Зенит» в Берлине... но здесь тоже никого не видно... только за кассой сидит по-

жилая женщина, кажется, на ней парик... она просит нас заполнить карточки... с совершенно безразличным видом... «доброй ночи!»... коллега Хаупт уходит... абсолютно ничего не значащие слова: доброй ночи!.. тюремный надзиратель, поворачивая за вами ключ на два оборота, тоже всегда желает вам доброй ночи!.. god nat^[24]! дама-кассир ведет нас на третий этаж... там наша комната... две очень жесткие кровати и одно тоненькое одеяло... но все-таки жаловаться не стоит... ведь сержант собирался отправить нас на разгрузку вагонов... вид у этого Хаупта не особенно приветливый, но в то же время не такой уж и злобный, нельзя сказать, что это законченный антифранцозе... завтра в десять часов мы опять с ним встретимся!.. я говорю Лили: «лучше нам лечь прямо так!..» я имею в виду, в одежде... по-прежнему слышен вой сирен... очень далеко... но они вполне могли и приблизиться!.. через пару минут!.. нам известно, как это бывает... в полусне я вспоминаю Бебера... и Ля Вигу... чем они сейчас занимаются?.. Лили отвечает мне... сквозь сон... я продолжаю дремать... о, я вовсе не сплю!.. в случае тревоги мы должны быть наготове!.. тем более, здесь, в незнакомом месте... интересно, сильно ли разрушен Росток? завтра мы увидим...

– Тук! тук!

В дверь... кто-то... очень тихо стучит... я правильно сделал, что остался одетым... я приоткрываю дверь...

– Извините меня, дорогой коллега!.. в такое время!.. но лучше мне вам рассказать, предупредить! возможно, завтра меня уже здесь не будет... заранее ничего не известно...

Этот дорогой коллега говорит шепотом... у него акцент... но не как у фрицев... откуда он вообще взялся?

Сейчас я все у него выясню...

– Подождите, у меня есть свеча!

Это правда... у меня их даже несколько... и спички... я чиркаю... вот!.. теперь этот незнакомец может войти...

– Прошу меня извинить!.. мы просто прилегли, вот и все!.. как бы тревоги не было!..

Он меня просвещает...

– За все время, что я здесь, было всего две тревоги...

А он здесь уже шесть месяцев...

– А бомбят часто?

– Нет!.. было всего три!.. или четыре бомбежки!.. но все еще впереди!.. я не представился!.. извините меня!.. Просейдон... грек, врач из Университета в Монпелье!.. Просейдон!

– Очень приятно, дорогой коллега!

– Моя жена тоже врач!.. из Монпелье!.. я не знаю, где она сейчас... должно быть, пытается меня найти... мы бежали из России... я через Польшу... а она через румынскую границу...

И он рассказывает нам, что они с женой находились в Советском Союзе по политическим мотивам... но не сошлись с Советами... и это продолжалось не один день! они жили и работали у них!.. десять лет!.. но в партию так и не вступили!.. они отказались... просто работали в больницах...

– Я же патолог, а моя жена мне помогала... в общем, мы лабораторные врачи... они определили меня заниматься проказой... я объехал все их республики... в Монголии очень много проказы... пять с половиной лет мы проработали в Монголии... целый год сражались с чумой в Арабиджане... они требовали, чтобы мы вступили в партию... я был против... ведь у них тоже далеко не все в партии... восемь человек из ста... восемь на сто... всего-навсего... нам пришлось бежать... и все-таки, будущее за ними... они покорят всю Европу... всю Азию... уверяю вас...

Я слушаю его... он говорит тихим голосом... стоя навтыжку...

Теперь я к нему обращаюсь:

– Неужели? ну а здесь как обстоят дела, дорогой коллега?

– Здесь они все сумасшедшие! такие же сумасшедшие, как и в Советах, но Советы гораздо сильнее, гораздо больше... они могут себе это позволить... а эти здесь им во всем уступают: раса, почва, кровь, их интересуют только собственные семьи... деревенский снобизм... а Советам это не

нужно... они собираются подчинить себе все, и так оно и будет.

Но все-таки... время еще есть...

– Если только Гитлер не продержится еще один... или два года!.. но я в это не верю... он теряет слишком много людей!..

– И что с того?

– Да ничего!.. я просто хотел вас предупредить... вы не возражаете?

– Очень вам признателен, коллега!

– Чтобы вы поняли, куда попали...

Возможно, он знает, в чем тут дело... почему нас высадили прямо в поле? к тому же среди ночи?..

– Он что, вам не объяснил? это же ницшеанская методика... Оберартц Хаупт ницшеанец... естественный отбор!.. сильные все равно выживают! холод, снег, нагота только сделают их сильнее... особенно раненных!.. а слабые умрут, и их похоронят... методика Оберартца Хаупта заключается в том, чтобы вытащить всех из вагонов, сложить тела на лугу... прямо так... их оставляют там... на два... три дня... на холоде, в снегу, совсем голых... те, кто еще в состоянии встать, пытаются это сделать... их сразу заметишь, даже одноногих... они идут в восточном направлении... тогда производится сортировка!.. одних отправляют в больницу, в хирургическое отделение... а других оставляют на земляные работы... рыть ямы... для мертвых, для тех, кто не двигается уже два... три дня...

Просейдон выполнял там обязанности врача... на лугу и у ям...

– Может, они вас тоже туда направят?

Ясно, что при таком избытке рабочей силы, я ведь видел, сколько там, у вагонов, людей в лохмотьях... этот метод был далеко не плох... но меня-то интересует Дания! а не ницшеанский отбор... у меня есть определенная цель... пусть он побольше расскажет мне про Хаупта, про его мании... и в частности о том, имеем ли мы право отправиться к морю?

– К морю?.. всего один раз!.. на двенадцать часов... только на двенадцать часов... больше разрешить он не вправе! Варнемюнде ему не подчиняется... все в Варнемюнде подчиняется Адмиралтейству... пляж, защитные сооружения, берег...

Он продолжает объяснять мне, что берлинскому руководству нужно было освободить больницы... любым способом!.. отправить всех в Ганновер... в Висбаден... в Росток... в Любек... несмотря на то, что повсюду было примерно одно и то же!.. ни одной кровати!.. и нигде уже не могли никого брать... кстати, один интересный факт! недавно сюда из Берлина прислали прокаженных... Комитет Красного Креста собрал двенадцать человек... они там бродили по развалинам... должно быть, бежали с востока... их направили сюда, в Росток... к Просейдону, он же специалист... прислали еще и двенадцать ампул хаульмугрового

масла^[25]... и больше ничего... в здешней больнице от этих прокаженных отказались!.. оставалось только одно, присоединить их к остальным, к тем, что работали на лугу... отправить их разгружать вагоны и рыть ямы... и все устроилось самым лучшим образом... никто не замечал, что они прокаженные, о прокаже все забыли... Обертца Хаупта это не интересовало... главное, чтобы все вагоны были пустыми, а мертвецы – глубоко зарыты!.. его интересовал только Ницше... мне тоже нужно было приготовиться к разным вопросам... он составит обо мне мнение в соответствии с Ницше... кстати, хоть Просейдон был очень осторожен, он все-таки дал маху... он сказал ему, что, по его мнению, Ницше – это всего лишь романтик... ему нравилось со всеми спорить, нести всякий бред, эпатировать... с тех пор они друг с другом почти не разговаривали...

– Прошу прощения, мадам!.. я заболтался!.. простите мою навязчивость!.. я мог бы говорить целую ночь!.. знаете, ведь там я десять лет ни с кем не говорил... десять лет!.. ни с коллегами, ни с больными...

– Ладно, ничего страшного! мы вами восхищаемся!

– Пора спать!.. у нас еще есть время...

Он смотрит на часы...

– Уже три часа!.. я убегаю!.. простите еще раз!..

Этот коллега весьма предупредителен... не сомневаюсь, что очень скромно... наверняка, живет